

The background of the cover is a light blue sky filled with numerous small, dark silhouettes of people in various poses, some standing, some walking. In the foreground, there are stylized buildings with red roofs and grey walls. A man in a dark suit and a bowler hat stands on the edge of one of the roofs, looking out. The overall style is reminiscent of mid-20th-century modernist or surrealist art.

Анжелика Лавицкая

КАК ВСЕ

Стихи и рассказы

Анже Стенасовиче
с потрясающей
всего самого
доброе

Анжелика Лавицкая

12.03.2018
Лавицкая

Как все

Стихи и рассказы

Издательские решения

По лицензии Ridero

2018

УДК 82-3
ББК 84-4
Л13

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Л13 **Лавицкая Анжелика**

Как все : Стихи и рассказы / Анжелика Лавицкая. — [б. м.] :
Издательские решения, 2018. — 50 с. — ISBN 978-5-4490-0632-5

В этот сборник вошли произведения, написанные в соавторстве с друзьями: стихи и рассказы на темы, которые, как нам кажется, нельзя оставлять без внимания.

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4490-0632-5

© Анжелика Лавицкая, 2018

КАК ВСЕ

Соавтор: Евгений Вискарь

Нам казалось: мы будем вечными,
Не проигрывать нам судьбе,
Мы других называли встречными,
Говорили им:
«Вы как все»;
Нарушали с тобою правила,
Вырывая себя из вод;
Но судьба (сука!) всё расставила:
Обыграл нас обычный сброд.
Ты и я вдруг внезапно — смертные,
Вдруг внезапно поднялись ввысь —
А там тоже всё — жутко серое
И воняет из-за кулис.

ПРОИГРЫШ

*Вдохновлены травой,
мы делаемся, как все.*

И. А. Бродский «Чёрные города»

Они думали про себя: мы никогда не проигрываем. Просто однажды устали от рутины: она была так однообразна, как льющаяся из крана вода; из крана, который забыли выключить в ванной — и вот она лилась-лилась, перескочила на пол, затопила соседей, а теперь поднималась выше, чтобы затопить собой ещё и этих двоих.

Попытки вырваться из этого потопа предпринимались смехотворные: клуб по пятницам, тусовки на выходные — там эта вода, как считали они, не могла достать, и в эти часы они чувствовали себя свободными.

Правда, выдуманная свобода со временем перестала радовать: алкоголь больше не доставлял былого удовольствие, приходилось выпивать больше...

Больше, ещё больше.

Четыре дня в неделю она — уважаемый человек, знает всё и обо всём; он — тот ещё борец за справедливость (которую, кстати, редко удавалось найти, но он справлялся); а в остальные три дня — оба превращались в то, от чего в детстве тошнило, выворачивало наизнанку, и смотря на это (там, в далёком детстве), оба, хоть ещё и не были знакомы, говорили в голос:

— Со мной этого никогда не случится.

Вскоре три дня превратились в четыре. Потом в пять. В шесть. В семь...

В месяц.

В полгода.

А вода и не думала отступать: из-за сырости плесень и грибок сожрали стены, стала протекать крыша, тепло сменилось холодом — комната погрузилась во тьму.

Она уже не была уважаемой, но всё ещё знала всё и обо всём; он уже не добивался справедливости, так как знал (всегда знал!), что это — понятие относительное: её нет, и она есть.

Тёмными тенями они бродили по своим комнатам, вползали в кухню, и только белые просветы рассыпанного на стол порошка могли их оживить и одновременно уничтожить; особенно когда его перестало хватать: она могла вцепиться ему в лицо своими острыми ногтями, чтобы вырвать у него из-под носа эту полоску белизны; он мог оттолкнуть её так, чтобы она встретилась со стеной, видимо, рассчитывая, что тьма, в которую погрузилось их убежище, — поглотит её раз и навсегда.

Внезапно пропала и белизна: она перестала появляться, её неоткуда было взять, знакомые, которые могли бы её достать, — вдруг пропали, забрав с собой последнюю надежду.

Она умоляла его достать и спасти их обоих, он в это время превращался в беспомощную выцветшую тень: слабее обстоятельств, но сильнее той, которая просила о помощи.

— Заткнись! Заткнись! Заткнись!

Она зудила, как и его желание: найти и спастись, от этого он боялся стать ещё слабее, потому пока хватало сил заткнуть её — снова и снова отправлял её в стену, пока и эти силы его не покинули — в тот самый момент, когда она вдруг замолчала.

— Не оставляй меня! Слышишь! Не оставляй!

Он тащил её к окну, надеясь снова увидеть её лицо — лицо человека, той, которая всегда была рядом, а не той тени, в которую она превратилась вместе с ним.

В окно уже рвался рассвет. Как же они оба когда-то давно любили встречать рассвет: предрассветная прохлада, розовеющее небо, гаснущие далёкие звёзды, ожидание появления самой яркой, самой долгожданной звезды, которая рассеет тьму.

Она дышала. Он усадил её на подоконник и присел рядом — так они всегда делали, пока не превратились в тени. Она открыла

глаза и отвела взгляд к окну.

— Сегодня наступило двадцать шестое?

Он хотел было посмотреть на календарь, но в голове само собой всё посчиталось — двадцать шестое.

— Да, — ответил он, облегчённо вздыхая и закуривая: она его не оставила.

— День борьбы с наркотиками, — усмехнувшись, сказала она, не отводя взгляда от неба за окном.

— Они победили, — опустив голову, ответил он.

ЖРАТЬ, БУХАТЬ, ЗАБЫТЬ

соавтор: Ирэна Денидова

*«Красная-красная кровь —
Через час уже просто земля,
Через два на ней цветы и трава,
Через три она снова жива.
И согрета лучами звезды
По имени Солнце».*

В. Р. Цой

— Сейчас бы «Heineken», а не вот это вот всё, — Ира смотрит в окно и выпускает сигаретный дым, запивает свою дозу никотина кофе; в голове гудит — это первая сигарета нового дня, первая чашка кофе; сон нехотя отлипает, но Ира с удовольствием бы вернулась в кровать и накрылась бы с головой одеялом, чтобы вновь настала тьма.

— Что, всё? — Неля так и сидит на подоконнике, не отрывая взгляд от того, что происходит внизу, ниже на семь этажей: солнце вновь озарило муравейник, и муравьи выбежали в поисках... Чего? Ей бы лупу, чтобы поджечь эту движущуюся массу.

— Ехать надо, а там опять всё серое, грязное, тучи, облака, — Ира отходит от окна, тушит сигарету в пепельнице, проходит к раковине, чтобы вымыть свою чашку из-под кофе.

— Ну, не знаю, — усмехнувшись и спрыгнув с подоконника, говорит Неля, — представь, что кто-то другой хочет быть фотографом и жить в Питере. Так что не ной и пиздуй давай.

— Бодрящий пинок, с тобой не суициднешься, — Ира домывает кружку, выключает воду. Нужно идти в душ, но вместо этого, зная, что опоздает, она садится за стол и снова закуривает.

— А ты ещё и суициднуться хотела? — Неля тоже садится

за стол, но курить, пока нет желания. — А как? С моста? Газ? Вены? Окно?

— Не дождёшься, — Ире становится смешно, она и сама не знает почему. Они так часто говорят о смерти, что в неё уже не верится, все разговоры о ней превратились в утренний анекдот.

— Просто нужно определиться: день рождения готовить или похороны? — откинувшись на спинку стула, продолжала Неля. — Что надеть сегодня: чёрное или чёрное-чёрное, какое лицо нарисовать, какие мысли и слова подготовить для себя и для остальных.

— А вот интересно, — немного помолчав, продолжила Ира, — похороны в днюху. В свою. Так подгадать, чтобы похоронили именно в днюху. Прикольно же? — она смотрит в одну точку, смутно представляя, как такое может произойти; лёгкость подступает, но воображение не хочет вырисовывать ничего подобного, потому и лёгкость тормозит на половине пути.

— По-моему, прикольнее умереть в день рождения, — донёсся до нее голос Нели. — И чтобы это было внезапно, — голос стал намного ближе, Ира вернулась из своего воображения. Неля уже курит, но почему-то смотрит на серую стенку, которая напротив стола. — Внезапно для остальных, — продолжает она. — Они такие приходят в предвкушении бухла и праздника, а ты сдохла. И их мысли: «Бля, я последний отгул взял ради этого» или «Так хотелось сегодня нажраться, а тут это»; ну, и самые простые: «Что?!», «Зачем?!» и «Ааааааа!».

— Ну, а те, кто считаются самыми близкими, носятся такие, делают вид, что им не пофиг, — она почему-то представила Нелю, хотя и была уверена, что эта носиться точно не будет, поэтому в голове быстро возник образ мужа — этому придётся.

— Да-а-а! — почти восхищаясь, тянет Неля. — «Вызовите скорую!», а кто-то пускается делать тебе искусственное дыхание, массаж сердца; до них ещё не доходит или уже дошло, но героя построить из себя надо!

«Макс тоже этого делать не будет», — думает Ира.

«Ты бы так и сделала», — думает Неля.

— И вот приезжает скорая, — Ира выходит из-за стола, чтобы заварить кофе себе и Неле, — вызывают ментов. Все эти должностные что-то пишут; а эти, гости, — «гости» Ира выкрикивает; она терпеть не может гостей. — Гости все плачут, кому-то становится плохо, — продолжает она, повернувшись к Неле спиной. — Кто-то вообще труп видит впервые, а кто-то: садится тихонько за стол и выпивает, якобы он так успокаивается. Тихо так, чтобы никто особо его не заметил.

«Макс сделает именно так», — думает Ира.

«Тебе станет плохо», — думает Неля.

— Тебя увозят, а эти... гости, — Неля усмехается, произнося слово «гости», — какого хрена они вообще приходят? — Гости всё равно садятся за стол. Во-первых, не пропадать же добру и последнему отгулу; во-вторых, кто-то вообще сегодня не ел; в-третьих, лицемерное: «Помянём! Ей бы наши кислые мины не понравились!»; а в каждом тем временем честная (потому и мерзкая) тётка из булгаковского МАССОЛИТа говорит: «Ну, мы-то живы».

Ире снова становится смешно; она ставит на стол две чашки кофе; Неля тушит сигарету: кофе она любит так же, как Булгакова.

— А со мной поехал последний герой! — в голове Иры даже строчка из песни возникает, но чёрт его помнит, кто это раньше пел. Раньше. Она тогда и о Питере-то не мечтала. Она запивает эту мысль кофе. Неля ждёт интересного продолжения. — Ну, он просто считает, что он был мне ближе всех остальных; ему не охота, на самом деле, но другие потом скажут, подумают. В общем, все неприятные процедуры достались ему.

«Ему? Почему не ей?» — удивляет Неля.

«Тебе», — глядя на Нелю, мысленно и уверенно говорит Ира.

— А потом и он уехал. — «Вторая сигарета подряд», — снова закулив, думает Неля. — А ты — попадаешь на стол патологоанатома, он такой там пилит, режет, вскрывает, смотрит, и говорит: «Тю! Инфаркт!», и зашивает обратно.

— И с этой минуты я просто кусок замороженного мяса, кото-

рое ещё и в землю закопают, и ебучий крестик над моей грядкой поставят, — Иру раздражает не столько слово «мясо», сколько тот факт, что крестик обязательно будет, самый настоящий, деревянный, с табличкой. Так принято, и плюнут все и каждый, что Ира считает себя сейчас атеистом и ненавидит всё, что связано с коммерческой духовностью.

— Не гони коней! — выпуская дым, говорит Неля. Где-то над головами прозвучал голос Высоцкого. — Ещё два-три дня соплей, слюней над твоим куском мяса лить будут, оденут в похоронный костюм, а бабам (плевать, что они тебе никогда не шли, так положено!) повязывают платок на голову, — кони понеслись, стук копыт над головами, а Неля продолжает: — У всех по очереди случается истерика, двери пока ещё твоего дома открыты, приходят все. Им не то чтобы в кайф; ну, так вот просто надо: цветы принести, у гроба посидеть, слезинку выдавить. А те, которые близкие, они вообще должны быть пиздец в слезах. И они это знают, — Неля указывает на Иру, словно и не с ней сейчас говорит, — и все это знают! — кони остановились; Неля помолчала и продолжила, но уже тише: — А они не в слезах, они вообще ничего не чувствуют — и скорее бы это всё кончилось.

— А хоронят в обед же обычно, — подавив грустную улыбку, продолжила уже Ира. — Все хотят жрать. Захудалая кафешка заказана, там бухло, жарка, но нельзя-я-я-я! — в голове возникает образ клоуна, которому второй говорит, что вообще ничего нельзя. Ира помнит, как они вместе с Нелей хохотали, когда этот, которому всё нельзя, потом заявил: «Зя-я-я!». — Меня ещё не закопали, — вернувшись из мыслей, закончила она; ощутив, что действительно: не закопали, вот она — за столом в кухне.

— И закапывают быстро, — Неля наклонилась ближе к Ире, почему-то решила говорить шёпотом, но шёпот быстро стал превращаться в голос, и в очень громкий голос, до самого последнего слова, — и самых истеричных прям под руки и в машины. «Жрать! Жрать! Жрать!», «Бухло! Бухло! Бухло!», «Это и со мной случится, и вон с тем, и вон с той, но не сейчас». «Жрать», «Пить», «Жрать», «Пить», «Забывать!»

«Круто сказала, — но Ире становится страшно: как быстро они всё забудут. — Но я там не совсем одна. Я же часть? Часть мира?»

— А ко мне уже черви там, жучки ломаются, потому что им тоже надо жрать и пить. И, может быть, даже что-то забыть, — Ира довольна этой мыслью: она сольётся с природой, станет пищей, травой или даже деревом.

— Ко-нец, — как-то уж совсем наигранно, внезапно и вдруг весело сказала Неля, глядя мимо Иры.

Ира не успевает обернуться: раздались одинокие, но громкие аплодисменты.

«Всё слышал. И соседи слышали», — ей показалось, что и они аплодируют их разговору.

— Попа с кадилом забыли, — Женька садится за стол.

— Будем считать, что у нас суицид, — отмахнулась Неля.

«А у вас-то всё не так», — думает Ира, глядя на них.

Неля больше не с ней, но о себе напомнить надо, и она говорит:

— Креста хватает.

— А инфаркт от чего? — не сдаётся Женя.

— Передоз, — Неля напоминает и готова поспорить, она серьёзно настроена.

Ира это тоже помнит, но: жрать, бухло, забыть.

Сейчас бы и лампочка от напряжения замигала, будь она включена.

«Надо уйти. Я уже опоздала, но надо. Они тогда не вспомнят», — решает Ира.

— Ладно, я поехала жить! — громко и почти весело заявляет она.

А может, и правда, — весело? Ещё не трава и не пища! Ещё не закопали! Надо ехать — жить!

— Вали уже, — говорит Неля; ей тоже почему-то весело.

Все выходят из-за стола. Ира вспоминает, что не приняла душ, но на него уже нет времени. Надо «валить», надо ехать.

Жить.

КЛЮЧ

Соавтор: Евгений Вискарь

1

Свет не помог — стало намного хуже,
И потому — всё зарядил картечью.
Вечером снова кто-то придет на ужин —
Тупо смотреть, как обесчеловечен
Я.
Или ты.
Вместе — совсем другие —
Как-то не вяжемся с принципом мироздания.
Ключ на стене, а за стеной — пустые
Улицы, лица, ищущих оправдания.

Небо задёрнуто грязной москитной сеткой;
Ты говоришь, что волшебство повсюду.
Весело ключ
Висит на облезлой стенке —
Просто возьмём
И убежим
Отсюда.

2

Просто возьмём — и убежим!
Чего ты?
Следуй за мной, не отпуская руку.
Там ведь не спросят: кем ты работал?

Кто ты?
Там не дадут нам умереть от скуки.

Нервно смеёшься:
Мол, не бросают так вот,
Глупости это, ключ убери на стену.
Пусть будет так.
Завтра уеду. Завтра.
Ты не поверишь —
Будешь права, наверно.

Может, случайность что-то ещё исправит:
Там разберутся, там не оставят лишних.
Ключ на стене. Я для тебя оставил.
Двери откроешь, я тебя там услышу...

Или увижу — это неважно, правда.
Там или здесь — будем вдвоём.
Бессмертны.
Белому снегу будешь безумно рада.
Там нас излечат (не покалечат) светом.

СУМАСШЕДШИЕ

1

Она была сумасшедшей. Не так, чтобы уж совсем; Она, конечно, не... Впрочем, не так уж и много этих «не». Она, безусловно, — была сумасшедшая, хоть и выдавала себя за нормальную, обычную, очень скучную, ничем не примечательную... Личность?

Утро Её начиналось как и у миллиона взрослых: пробуждение через силу, кофе, путь до ненавистной работы... Впрочем, опять же — нет! Работа Ей нравилась; там Она чувствовала себя не просто нужным человеком, а — создателем. Тем не менее, последнее время часто повторяла, что работа её несерьёзная, непрактичная, а потому — пора уволиться, найти что-то, что подошло бы для взрослой — что-то престижное, оплачиваемое. Только утром всё повторялось, превращалось в странную привычку или даже — в зависимость.

«Застряла», — думала Она и ничего не собиралась с этим делать.

Времени на перемены у Неё не было; Она ведь знала, что сумасшедшая, а сумасшедшие долго не живут — скоро Она умрёт.

Вечером, когда рабочий день заканчивался, Они вдвоём пили кофе, читали стихи, а потом отправлялись пешком до вокзала — это был их самый важный ритуал; потому что потом Они запирались в своей крепости до самого утра.

Да, их на самом деле было Двое. Она и Он. Кстати, Он давно сошёл с ума, как только они встретились; и с тех пор никогда, ни единого раза даже не пытался выдать себя за нормального. Оба были сумасшедшими; только Она — для всех, а Он... сам по себе, что ли? Или привыкли к нему такому?..

Они шли до вокзала, хохоча, что-то громко обсуждая; что-то, что уже давно никто не обсуждал. Уезжать Они, конечно, никуда не собирались, но мечтали об этом — когда-нибудь, потом, когда вырастут. А пока: Двоим нравилось гулять, читать стихи и пить кофе. Они были счастливы. Доходили до платформы, сидели на свободную скамейку и смотрели по сторонам: кто-то приезжал в их город, кто-то уезжал из него, а кто-то сдавал билеты в кассу, чтобы никуда отсюда не уезжать. Они смотрели на этих обычных людей, которые быстро ходят, ничего не замечают, смотрят исключительно себе под ноги... Оба пили кофе в закрытых пластиковых стаканчиках и старались не разглядывать угрюмые лица тех людей, боясь заразиться их обычностью, опасаясь, что маска безразличия передастся их лицам воздушно-капельным путём.

Когда же стрелки часов подходили к восьми вечера, Двое спешили в свою крепость, для приёма гостей. Гости всегда было трое: Первый, Вторая и Третий. В глаза и за глаза эта троица называла тех Двоих — сумасшедшими, но всегда следила за каждым их шагом, и слежка эта всем троим доставляла удовольствие — она уничтожала пустоту, которая их переполняла весь день, пока они не оказывались в крепости. Можно сказать, что именно за этим они и приходили — заполнить пустоту, забыть о себе и смотреть на этих Двоих, которые были... Странными? Как в кино: эти Двое словно напарники — Она говорила, Он продолжал, Он спорил, Она подхватывала, Он играл, Она пела.

В крепости на стене висело ружьё; оно висело там без надобности — досталось в наследство от предыдущих жителей. Иногда Они его протирали, иногда и вовсе забывали о нём, а в тот день вдруг вспомнили. Он вдруг сказал, что нашёл то, чем можно будет пострелять из этого ружья по банкам во дворе.

— Вы же больные! Вам оружие нельзя доверять! У тебя и разрешения на него нет; как тебе продали?! — набросился вдруг Первый.

— Ничего я и не покупал — мне так дали. Знакомый один, — ответил Он спокойно, снимая ружьё со стены.

— Знакомый явно решил от тебя избавиться, — пошутил Третий, и шутку оценили все, даже Она и Он.

Некоторое время Он провозился с ружьём, а потом вдруг приставил его себе к подбородку.

— Нажму на крючок и стану бессмертным, как Курт Кобейн, — сказал Он.

Она засмеялась. Первый и Третий, едва не кинулись к Нему, чтобы отобрать, но испугались и лишь прикрикнули — так, мол, делать нельзя, Он с ума сошёл!

— Это уже будет плагиатом, — вмешалась Она, смеясь, точно зная, что Он не выстрелит в себя и не оставит Её здесь одну.

— Что, и на смерть авторское право распространяется? — наигранно удивился Он, откладывая ружьё на стол.

— Уберите эту фигню! Ненавижу ваш чёрный юмор! — кричала Вторая.

— Да ладно, — отвечал кто-то один из Них (или Двое, в один голос — с Ними такое случалось), — мы в любом случае бессмертны. Мы же вместе!

— Уберите! — никто из той троицы не услышал Их слов; они знали только одно — если ружьё есть — оно обязательно выстрелит, а у таких сумасшедших и подавно — лучше: убрать, спрятать, выкинуть!

Третий вдруг нашёл решение проблем — пригласил всех выйти на балкон из крепости, чтобы покурить. Вторая мигом согласилась и выскочила из кухни, Третий вышел следом за ней, и Она отправилась за ними, рассчитывая, что Он и Первый пойдут за ней.

Вторая нервно курила, Третий курил, подперев собой стену, а Она стояла в проёме и ждала Первого и Его, но Его больше — это понятно.

Они не появились и тогда, когда Третий и Вторая вернулись с балкона и вдруг засобирались домой. Ей пришлось их проводить, а потом остаться в коридоре одной.

— Ты сам от этого не устал? — спрашивал его Первый, а Она стояла за стенкой, не зная в самом начале, что Он и Первый ещё

не разошлись и остались на кухне.

— Завтра уезжаю. Устал, — ответил Он, но Она едва могла поверить своим ушам и даже хотела появиться и попросить Его повторить; а Он продолжил: — Мы ходим каждый день на вокзал. Ей это почему-то нравится. Пьём там кофе (я ей его покупаю), а потом идём вместе домой. Завтра Она пойдёт одна.

Крепость вдруг перестала существовать, стены её исчезли, повеяло прохладой тёмного коридора, в котором Она оставалась одна. Мир двоих складывался как картонная игрушка из детства, выцветал и переставал казаться радужным.

2

— Смотри! Смотри! Какой пушистый снег! Как здорово, что мы с тобой попали под него! — Она радовалась, как ребёнок; выскакивала вперёд, чтобы убедиться: Он видит этот снег и Ему он тоже нравится; хватала Его за руку, считая, что Он как и все — больше не замечает волшебства вокруг; повторяла: «Смотри! Смотри!»

Снег должен был всё вернуть.

Прохожие оглядывались, они были возмущены: нашли же эти Двое время стоять посреди дороги, задрав головы!

Она думала, что сейчас, как и раньше, никого не существовало — не было никаких прохожих, дорог, светофоров, машин — только небо над головой, только летящий пушистый снег, только Они вдвоём во всём мире.

— Идём, — снег превратился в омерзительные белые и сырые лохмотья, как только Он дёрнул её за руку и повёл вперёд. Зажёгся зелёный — пора перейти дорогу, пройти ещё несколько метров и оказаться на привычном вокзале.

Ноги не слушались, мозг отказывался понимать, что через несколько минут всё это кончится — Он уедет. Скажет, что пошёл за кофе и уедет или: выпьет с ней как всегда, а потом — внезапно исчезнет.

Рука держала его руку, Он был впереди и тащил её за собой,

а Она словно хотела остаться на месте — стоять на перекрёстке и ждать, что волшебство вот-вот вернётся, как только обернётся Он, и они снова будут смотреть на небо, которое сыпало снегом.

— Идём, — повторил Он уже настойчивее, совсем по-взрослому, выпустил её руку и подался вперёд.

«Уедет!» — тут же мелькнуло у неё в голове, и Она подалась было за ним, вперёд, через перекрёсток.

Пустую и тихую улицу, где еще несколько минут назад были люди, вдруг сотрясло рычание непонятно откуда взявшегося чудовища. Машина пронеслась мимо неё, едва не наехав на ноги. Дыхание прекратилось, в голову что-то ударило, и только после этого она поняла, что всё ещё жива.

А Он?!

Он был на другой стороне улицы. Его больше не было.

3

Шутки про смерть закончились. Хотелось показать этим — Первому, Второй и Третьему, — что в жизни ничего не изменилось, что, хоть и нет Его рядом, Они вместе, но это казалось такой глупостью: снова шутить про смерть, считать себя бессмертной, когда осталась одна.

«Ушёл, — думала она. — Закрыв за собой дверь, а ключа не оставил».

Нужно было бы менять работу, покидать крепость, уезжать из города, но этого совсем не хотелось. Это было серым, затянутым, какой-то маловажной подложкой, выцветшим фоном, который её совсем не интересовал. Хотелось, конечно, к Нему — там было ярко, там светило солнце, были звезды и падал пушистый снег.

— Лучше бы Он уехал, — сказала Она вслух, представляя, как собрала бы свои вещи в тот же день и уехала бы за Ним следом. Ничего бы не потерялось, волшебство не исчезло бы, не нужно бы было вдруг становиться взрослой и грустной; не нужно было бы тосковать и думать о том, что больше

ничего нет.

— Ты, главное, держись, — говорила Вторая, которая точно могла бы погибнуть в бою, закрывая кого-нибудь грудью — Первого или Третьего — неважно. Вторая и сейчас прижимала Её к себе, считая, что так нужно, а потом вдруг бросила: — Всё ещё это ружьё на стене! — выпустила из своих объятий, за которые хотелось держаться, вытащила табурет из-под стола, встала на него, сняла ружьё...

«Вот же — этот ключ».

— Отдай! — Она вцепилась в свой ключ обеими руками, намереваясь вырвать его из чужих рук, чтобы открыть дверь.

— Ты сумасшедшая, что ли?! Ничего я тебе не отдам! — а Вторая тянула ключ на себя, словно он ей был намного нужнее, словно она точно знала, что за той дверью, которую Она собирается открыть.

— Отдайте немедленно! — вдруг в этот ключ вцепился Третий, а за ним подтянулся и Первый.

Ключ тянули в разные стороны, силы вдруг оказались равны. Трое кричали, что Она — сумасшедшая, пока ключ вдруг не оказался у неё в руках.

— Да! Сумасшедшая! — подтверждая их правоту, заливаясь довольным смехом, Она открыла дверь, громко захлопнув её за собой.

В ТРЕНДЕ

Соавтор: Евгений Вискарь

Боженька вышел из моды,
Нынче пойду в атеисты,
Всем верунам набыю морды —
Бывшие, блядь, коммунисты!
Нынче не в моде законы,
В моде — панкушность и кезы,
Значит, плевать на каноны,
Я в анархисты, как Цезарь.

В моде: Козльо и Сартр,
Летов, Горшок и Дирекшен,
Геи и лесби, и... как их?
Впрочем, неважно, конечно.

Всенепременно и важно,
Модно и даже обычно:
Мнение составить о каждом,
Кто мне не нравится лично —
Высрать его в интернете
(Больше нигде не услышат),
Стать самым умным
(но в свете
Лампы настольной, обычной).

В твиттер запостить про маму:
Сука, достала, чтоб сдохла!
Фотки залить в инстаграммы:
Как за неделю усохла.

Список огромен и даже
(«В моде» — зачёркнуто)
В тренде
Вовсе не важно, что скажут
Люди и чёртовы дети...

Дети — вообще зло природы,
Нынче рожают лишь дуры;
Мясо жуют лишь уроды
Или продажные шкуры.

Тян не нужны, куны — тоже,
А феминизм — долбоёбство.
Быть патриотом — негоже,
Также не в тренде обжорство.

Быть лишь собой нынче нужно:
Новости в телеке — пакость.
Осень — в депрессию дружно,
Летом — наигрывать радость.
Утром весь мир ненавидеть,
Но «С добрым утром!», конечно.

Кто бы мог это предвидеть?
Мы в двадцать первом. Кромешном.

МОДНО

Она слушает «Sex Pistols», ей нравится Сид Вишес, она уверена, что слышит именно его голос в динамиках, ей никогда не приходило в голову, что он — басист, хреновый басист хреновой панк-группы. Просто ей нравится эта музыка (с недавних пор такое стало модно слушать), она не думала прочитать биографию Сиды, узнать, что на самом деле он — Джон Саймон Ричи, узнать, что он — не тот, за кого она его принимает.

Она надевает кожаную куртку, купленную в «Castle Rock» за бешеные деньги, на футболку с принтом, где Сид показывает фак. Куртка простёгана шипами и заклёпками. Она считает себя панком.

Перед входом в вагон, она смерит пренебрежительным взглядом парня в зелёных штанах и розовой футболке, которая больше похожа на топ.

Она презирает геев и не считает их полноценными людьми или частью общества. Можно сказать, что будь у нее власть — она бы их сжигала на кострах, как когда-то сжигали ведьм.

В наушниках кричит Джон Лайдон, но она уверена, что это голос Сиды, brutального и безбашенного Сиды.

Усевшись в метро, она достает книгу Чака Паланика, считая, что бумажные книги намного лучше электронных, считая, что Чак Паланик — не только гениальный писатель, но и потрясающий мужик, написавший «Бойцовский клуб». Время от времени она достает свой телефон, чтобы сфотографировать в книге понравившиеся предложения. Полученным фотографиям она подбирает нужный фильтр, ставит хештэги: #Паланик #Мудрые_мысли #Чтение #Книга, и что немаловажно: #бумажная_книга. Просматривает предыдущие фотографии, ведь перед трудом Паланика аналогичную фотосессию прошла книга Бредбери, название которой, она едва помнит, но на помощь приходят поставленные

ею тэги: #Бредбери #Форингейт, и всё те же — о книге и о бумажной книге.

Перед выходом из вагона она снова смерит того парня пренебрежительным взглядом и поморщится, мысленно назовёт его пидором, в сумку отправит книгу Паланика, направится по своим делам, слушая «Sex Pistols», продолжая быть уверенной, что слышит голос Сиды Вишеса.

НЕМНОГО ОТ МЕРТВОГО

1

Быть мёртвым — не так уж и плохо, если не сглупил при жизни и не завещал, чтобы тебя кремировали, а если завещал, то пиши пропало. Думаешь, твоя душонка превратится в невидимый дух и будет спокойненько летать, если ты прикажешь её сжечь вместе с телом? Ошибаешься. Душонке нужен скелет, иначе как, по-твоему, она будет передвигаться? Неужели ты думаешь, что душа, обретшая наконец-то покой, мигом вырывается из тела и летит чёрт знает куда? Смертный, смертный, ты глуп, но и я был когда-то таким же, как ты, пока не увидел тот самый свет в конце туннеля.

Мне много лет, так много, что вряд ли существует такая цифра. Нет, я не видел мамонтов и динозавров; нет, я не знаю, превращалась ли обезьяна в человека, но я точно знаю, что бывает наоборот. Мне неизвестно, какой бог настоящий, а какой вымысел, я даже никогда не видел этих богов, а потому сомневаюсь, что они вообще существуют. Существование моё протекает так скучно, что богам вряд ли есть до меня дело, а мне нет дела до них, так мы и живём — не трогая друг друга: я на кладбище, в городе, а они неизвестно где. Что-что? Сатана, Дьявол, Бес? А зачем они нам, если мы для смертных — то же, что они: нагоняем ужас, приходим в их дома, пугаем до потери сознания. Хехе, если эти чудики и существуют, то и им до нас нет никакого дела. Как бы тебе, смертный, вообще всё это объяснить? Вот скажи мне, есть ли при жизни до тебя дело твоему президенту? Видишься ли ты с ним так часто, как только захочешь? А президенту другой страны есть до тебя дело? То-то же. Поэтому отстань

от меня со своими глупыми вопросами о богах, дьяволах, ангелах и демонах, я же тебя не спрашиваю, кто там стал президентом Зимбабве и как часто вы с ним видите.

Что ты ещё хочешь от меня узнать? Наверное, тебе интересно, какого же чёрта я делаю после смерти? Так вот, я продолжаю жить, наслаждаюсь своей свободой, своим покоем, но мне время от времени становится скучно, как и многим из нас; а чтобы развеять скуку, чтобы не покрыться мхом или плесенью, чтобы не дать себя сожрать земляным червям, жукам и прочим тварям — мы веселимся. Смертный, ты когда-нибудь мог себе представить, что даже после того, как умрёшь, тебе придётся столкнуться со скукой? Наверняка ты успел при жизни забить себе голову знаниями о существовании Ада и Рая, верхнего мира, нижнего мира, бла-бла-бла...

Когда меня сбил поезд, я ничего не почувствовал, я встал и пошёл дальше, даже не подозревая, что мёртв. Однако стоило мне выйти к людям, как у меня случился шок: они проходили сквозь меня, они не замечали меня, они не знали, что я существую! Как ты думаешь, что я сделал? Начал кричать? Стал просить кого-то о помощи? Может быть, ты думаешь, что я пошёл к экстрасенсам или в церковь? Глупости! Не говори мне такие глупости — всё это не поможет тебе, когда ты умер.

Первым делом я отправился домой, а там спокойно дожидался своих похорон, смотрел на свою жену... Слушай, давай не будем об этом! Этот разговор наводит на меня тоску! Что тебе интересно? Интересно, как я смотрел на собственный труп, интересно, как я узнал правду, что и при жизни никому не был нужен: ни детям, ни жене? Да иди ты к чёрту!

Ладно... Ладно... Извини. Знаешь ли, не каждый мертвец любит говорить о том, как он стал мертвецом: одни этого не помнят, другие делают вид, что не помнят, а я всё помню, но не могу забыть, поэтому давай не будем говорить об этом, хорошо? Вот и чудно.

После того, как меня отправили под землю, я лежал и думал о том, что, скорее всего, первым делом следует выспаться. Да-

да, я не ждал, что меня отведут в какой-нибудь Ад или в какой-нибудь Рай... Ну, ладно-ладно, ждал, конечно. Конечно, ждал и долго ждал, но ничего не происходило. Не знаю, сколько я спал и верил в то, что за мной вот-вот придут, — это продолжалось мучительно долго. Что? Мозг умирает вместе с телом? Обман. Не верь телевизору и вашим мерзким учёным, это заговор, чтобы ты боялся смерти, а ведь в ней нет ничего страшного. Ни-че-го-шень-ки! Мозг, чувства, ощущения — всё работает, я даже голод время от времени испытываю. Да-да! Как ты мог догадаться, питаемся мы теми продуктами, теми фруктами и овощами, которые так же умирают, портятся; мы питаемся тем, что ты, смертный, отправляешь на помойку, как только заметишь, что у сыра закончился срок годности, как только увидишь, что яблоко начинает чернеть...

Так вот, вернёмся к первому дню моего существования...

2

Под землёй чертовски страшно и холодно. Только представь: на тебе непонятная одежда, которая вот-вот может разорваться, разойтись по швам, в гробу достаточно тесно, а потому ты не можешь улечься на бок, как делаешь это в своей мягкой и уютной кровати. Ах, мягкая и уютная кровать! Как я скучал по ней, пытаюсь уснуть, лёжа на жёстких досках. К счастью, подушечку мне положили, но что такое подушечка? Ровным счётом ничего: она твёрдая, она маленькая, она постоянно норовит ускользнуть куда-нибудь под спину. Мучения мои длились целую ночь, пока я вконец не измотался и не уснул. Что видят мертвяки во сне? Имей уважение, а не только свою жену, не называй нас мертвяками! Во сне мы летаем, посещаем разные места, иногда навещаем своих родственников, переходя в их сны... Вот я в первую ночь, в свой первый загробный сон, попал в свою же квартиру, и что, ты думаешь, я там увидел? Вы, смертные, не представляете, как неприятно видеть вас на своих похоронах пьяными и сытыми, изображающими грусть от потери, горе, тра-

ур...

С тех пор, как я умер, у меня к вам только один вопрос: вы плачете на похоронах, потому, что так заведено с давних лет, или потому, что вам действительно нас жаль? Загляните вглубь себя, ответьте честно на этот вопрос хотя бы себе. Нет, нет, нет, я не исключаю того, что нас, умерших, действительно бывает жаль, что вы действительно можете горевать, грустить и тому подобное, но этого я видел так мало, что могу пересчитать все случаи на пальцах.

Да, смертный, придётся мне сказать заранее: мы слышим, о чём вы думаете, к несчастью, это так, и, к несчастью, мы видим вас насквозь. Ну, не так чтобы кишки, желудок печень... Ты же понимаешь, о чём я, правда? Молодец.

Очутившись в своей квартире, я увидел то, чего не ожидает умерший в первый день: баба моя уже с другим, дети думают о том, кому же и что я завещал и какого чёрта умер, так и не выплатив кредиты, которые теперь придётся выплачивать им, а они так молоды... Ни единой мысли о том, что им меня жаль, не единого всхлипа среди своих, но сколько слёз было ими выдвинуто, пока их окружали посторонние люди! О-хо-хо! Смертные, вам всем нужно идти в артисты, а не сидеть в своих офисах, не ездить на своих автомобилях! Театр ждёт вас, он примет вас с распростёртыми объятиями, как только вы проведёте первые похороны в своей жизни! После этого вам будет поддаться любая роль, особенно двуличных лицемерных мерзавцев.

Вылететь в окно — вот, что я решил сделать, очутившись в своей квартире, увидев всё то, что скрывала от меня жизнь. К счастью, когда ты мёртв, можешь позволить себе что угодно: полёты с крыш, из окон, прогулки по железным путям, прятки в трансформаторной будке... Что угодно! Веселись сколько влезет: второй смерти у тебя не будет!

И я веселился, веселился: летел из окна, но не ощущал ни ветра, ни шума — не все твои чувства остаются живыми, когда ты полностью мёртв, а я на тот момент был мёртв полностью и думал, что узнай я правду раньше, умер бы ещё лет в двадцать

пять, сразу после свадьбы.

Знаешь, смертный, я снова о грустном, а ведь у нас есть место веселью! Да-да! Ты когда-нибудь мог представить, что после смерти сможешь веселиться? О, ты, наверное, подумал про рай, где есть ангелы, которые разрешают тебе делать, что хочешь? Или про Ад, где играешь в казино с чертями? Ох, эти земные сказки! А ведь и я в них верил, пока не встретился с Чаком.

3

Летел я и думал, как бы умереть во второй раз, не зная, что второго раза не бывает, что как только соприкоснусь с асфальтом — окажусь в своём тесном гробу, так проходит сон, так мы просыпаемся, когда пытаемся снова умереть или когда не хотим видеть то, что происходит... Как понимаешь, наша жизнь, мало чем отличается от твоей, смертный.

Оказавшись в гробу, снова ощутив под собой жёсткие доски — я захотел выбраться, а помня о том, как сквозь меня проходили люди, я решил, что и тут выберусь из своего гроба, из своей могилы так просто, как просто выбираются из кроватей по утрам. И что ты думаешь? Ох, если бы не Братство мёртвых, чёрт знает, сколько бы мне ещё пришлось лежать в том гробу!

Сейчас-сейчас, обо всём по порядку. Как только на кладбище появляется новая могила, Братство должно тебе помочь выбраться из-под земли, иначе так и будешь путешествовать только во снах, а о загробной жизни никогда и ничего толком не узнаешь. В общем, на нашем кладбище Братство возглавляет Чак. Описать его тебе? Смертный, ты свихнулся! Ха-ха! Описать Чака! Посмотри на меня: скелет в чёрной мантии, в пустых глазницах иногда мелькает голубоватый огонёк. Смертный, мы все так выглядим, отстань от меня со своими глупостями! Ха-ха, описать Чака! Во даёт!

Если ты, смертный, думаешь, что мы, мёртвые, живём только ночью — разочаруйся ещё раз, пока слушаешь меня, мы живём, как и вы: утром, днём, вечером, ночью. Однако да-а, тут сказки

не врут, и в основном мы гуляем только по ночам. А знаешь почему? Всё просто: ночью больше веселья, а днём мы предпочитаем спать.

Так вот, утром, когда я проснулся, когда снова оказался в своём тесном гробу — я пытался оттуда выбраться, но почему-то доски меня отказывались пропускать; на мгновение мне даже показалось, что я жив, что моя дура жена похоронила меня заживо, но! вот тут я и услышал голоса, вернее шёпот. Да, смертный, мы не можем говорить, мы можем только нашёптывать, а услышишь ты нас или нет — это уже другой вопрос. Однако то, как вы слышите наш шёпот, и то, как мы слышим друг друга, — абсолютно разные вещи. Шёпот Чака громкий, пронизывающий все твои кости, а шёпот, например, той же Мэри — едва слышен (поговаривают, именно из-за голоса её не взяли в ангелы-хранители: опекаемый её не может услышать), потому по шёпоту мы можем узнать друг друга. Да, смертный, к сожалению, голос пропадает, и с этим ничего не поделать, но не переживай, ты будешь его слышать таким, каким он был при жизни, а другие не обратят внимания, будь спокоен.

Чёрт, ты снова отвлёк меня... Чак... Ага, вот: я услышал шёпот Чака.

— Что ты собрался делать? — спросил он меня, а я замер и не знал, что ответить, думая, что совсем сошёл с ума, раз слышу голоса в одноместном гробу. — Ты хочешь выбраться? — продолжал Чак, а я оглядывался по сторонам: как он меня видит, кто он? — Я помогу, — и шёпот его стал тише, да только всё, что меня окружало — затряслось, на крышку гроба снова посыпалась земля, но я чувствовал, что меня тянет вверх, тянет к свету...

Гроб открылся, глаза тут же встретились со светом, а ко мне тянулась костяная рука...

— Ты кто?! — как сейчас помню, что подобрал под себя ноги и стучал зубами, глядя на Чака. Хех, смешно!

— Не тот, кого ты ожидал увидеть, — а Чак знал, кого я ожидал увидеть: бога или чёрта, ждал, когда меня будут судить, взвешивать грехи... Ну и брехня ж это всё!

Мне пришлось сжать его руку, чтобы подняться, и только в этот момент я увидел, что от меня не осталось ничего — один скелет.

— Как?.. — оглядывая себя с ног до головы. Ощупывая свои кости, я не мог поверить в то, что со мной произошло всего за ночь. Вернее, я думал, что со мной такое произошло всего за ночь.

— Пока спал, — поспешил успокоить меня Чак, — ты задержался в могиле, не подавал никаких признаков, мы уж думали, что очередной хлам закопали или пепел.

Совсем страшно стало, когда я прикоснулся к своему лицу — не было и его, только скользкая, холодная кость.

— Сколько же я спал? — знаешь, смертный, когда сам превращаешься в скелет, то не особо-то и обращаешь внимание, как выглядит тот, кто находится рядом с тобой, потому меня не особо волновал внешний вид Чака. Да и чего мне волноваться, если я выглядел ничем не лучше него?

Он пожал своими плечами, и кости брякнули, а потом брякнули ещё раз, когда он расслабил плечи.

Вот так-то смертный, не встречает тебя никто после того, как умрёшь, а если повезёт, если вовремя поймёшь что к чему — встретишься с Чаком или с таким, как наш Чак: скелет, облаченный в чёрную простыню или мантию, а некоторые и вовсе не стесняются ходить без этих тряпок, так даже лучше.

Он звал меня смертным, как я тебя сейчас называю, он не хотел рассказывать о том, как прошли его похороны, он делал вид, что ничего не помнит о жизни, и учил меня быть мёртвым, как я сейчас научу тебя.

4

Быть мёртвым здорово, если живые не помнят о тебе, а если помнят, то иногда приходится им помогать. Ох, брось! Какие ещё спиритические сеансы? Ерунда! Просто жди, когда к тебе обратятся, для этого не нужно никаких сеансов, а обращаться к тебе

будут либо твои родственники, которые отчаялись, либо твои недруги, которые проклинают и тебя, и твою смерть. На вторых ты можешь не обращать никакого внимания, а можешь — навесить их во сне или пока они будут пьяны, напугать до смерти... Хотя нет, до смерти не надо, лучше до инфаркта — пусть мучаются. Так вот, а первых иногда нужно слушать. Они, разумеется, болтают всякую чушь, просят о чём-то невозможном, но иногда мы им можем помочь.

Честно сказать, я не ждал, что ко мне обратиться кто-то из моих родственников, а потому всегда наблюдал со стороны, как это делается: ты сидишь на заднем дворике ресторана, ждёшь, когда в бак выбросят еду и тут:

— Папа, если бы ты знал, как мне тебя не хватает, — знакомый голос, ты его слышишь, но единственное, чего тебе может не хватать в это время: острого соуса к мясному рулету. — Папа, прости меня! Я была ужасной дочкой! — ничего не меняется и в загробной жизни, дети достают тебя даже после того, как ты умер. И вот, когда ты собираешься пройти сквозь стену, чтобы раздобыть на кухне тот самый острый соус, раздаётся: — Прошу, помоги мне! Мне больше не к кому обратиться!

Смертные, никогда, никогда, никогда не делайте так! Вы эгоисты! Вы что, думаете, что у нас на смерти жизнь кончилась? Что у нас нет своих дел? Нет своих увлечений?

И вот, забыв об остром соусе, о мясном рулете, ты перемещаешься туда, где ждут твоей помощи. И ладно бы, если от этого что-то зависело, если бы действительно больше не у кого было просить помощи... Эта девочка, дочка моего приятеля Джека, никак не решилась сорвать восковую полоску со своей ноги, чтобы сделать депиляцию.

— Ты что, ты будешь ей в этом помогать? — не понимал я, а он вовсе меня не слышал, когда к нам обращаются живые, мы становимся глухими ко всему на свете.

— Давай, дочка, ты сможешь! — кудахтал он, гремя костями. Как она его только не услышала, уму непостижимо!

Или вот ещё пример, с нашей Мэри: мы были с ней на рок-

фестивале — при жизни у неё была мечта попасть на рок-фестиваль, и мы устроили ей это, как вдруг она слышит голос своей престарелой мамочки.

— Мэри! Мэри! О, если бы ты была рядом! — нет никакой разницы, родители будут доставать тебя даже после того, как ты умрёшь, а потому старайся умереть после них, иначе будешь несчастен, как наша Мэри! — Дочка, как же мне тяжело и трудно без тебя! — слышала Мэри вместо того, чтобы, хотя бы будучи мёртвой, насладиться любимой музыкой, забраться на сцену к любимому Мику Джаггеру! — Мэри, о, если бы ты могла мне помочь! — и Мэри оставляет все свои мечты, свою любимую песню, любимого Джаггера и приходит на зов своей больной матери.

Смертные, повторяю тысячный раз: вы эгоисты, вы несколько не считаетесь с нами, думая, что нам, умершим, нечем заняться после смерти.

Старушка боялась пользоваться лифтом, она страдала клаустрофобией, а потому тащила тяжёлые сумки на восемнадцатый этаж пешком. Что она хотела от Мэри? Чем она, умершая, могла ей помочь?

Однако Мэри пришлось сопровождать свою старуху до дома, пытаясь уверить её в том, что в ней ещё много сил и она всё сможет преодолеть...

«А ведь могла бы и послать куда подальше», — думал я тогда с завистью, понимая, что позови меня вот так моя жена или мои дети — я примчусь, даже если уже ничем не смогу помочь. Тягу к жизни, к настоящей жизни, никто не отменял; ты хочешь быть живым, несмотря на все прелести загробного существования, но ты — мёртв.

Мне удалось это ощутить, когда моя дочь наконец-то позвала меня. Она попала в действительно сложную ситуацию, и ей некому было помочь: её дом сгорел, ей некуда было пойти, а сын мой живёт теперь в другой стране, потому и он ничем не мог ей помочь. Лизи рыдала, свернувшись в клубок на кровати в гостинице, она звала меня, просила помочь... Я сорвался в тот же

миг, забыв о своих делах, я оказался рядом с ней, но что я мог? Ничего, кроме как помочь ей заснуть, явится в её сон и сказать, что всё наладится, что случившееся с ней — временные трудности, которые она должна мужественно пережить. Мне пришлось просидеть с ней до самого утра, а утром, проснувшись, она уже и не вспомнила обо мне, она была уверена, что переживёт всё, что с ней случилось.

5

Эй, смертный, вот мы и дожили с тобой до глубокой ночи! Смотри! Смотри во все свои живые глаза, смотри, как будут веселиться мертвецы!

Что ты можешь в своей жизни? Знаешь ли, что смерть намного лучше? Знаешь ли, что только после того, как кончится твоя жизнь, тебя ждёт настоящая свобода?

Сможешь ли ты в своей жизни ночью прийти в Большой театр и тянуть оперы? Можешь ли ты посетить рок-фестиваль, не купив на него билета? Можешь ли ты прийти к Оззи Осборну и посмотреть на его жизнь не через камеру? Может, ты можешь.... Ладно-ладно, я понял, что ты понял, но меня так и распирает рассказать тебе о том, что даёт тебе смерть, забирая жизнь! Нет ничего лучше загробного существования, уж это-то я теперь точно знаю.

Что? Самоубийство? Нет-нет-нет, дорогой друг, даже не думай об этом, этих ребят никто и никогда не достанет из гроба, они обречены наслаждаться только путешествиями во снах, они сами выбрали это, им даруется покой и ничего больше, кроме покоя. Так что жди своей очереди и не торопи события!

А я тем временем навещу своего приятеля Джека, который сегодня собирался посетить Лувр, мы отправимся с ним вместе к одному старому рокеру, который не так давно прибыл в наши края. Да-да, мы видимся и с ними, если они, конечно, не сплунят при жизни. Именно потому их так мало. Что? Автограф? На кой чёрт мне сдался автограф, когда мы можем отправиться пить

пиво или виски, когда он может спеть всё, что я захочу! Мы можем петь вместе, можем устраивать свои фестивали...

Завидуешь? Смертный, какой же ты глупый! Давай-ка опустимся вот сюда, мне нужно сказать тебе кое-что, прежде чем исчезнуть.

Слушай... Усаживайся удобнее и слушай. Знаешь, почему я считаю, что загробное существование — намного лучше, чем жизнь? Моя жизнь была пуста, я не знал ничего кроме дома, жены, детей и работы, я не мог позволить себе всё то, что могу позволить себе сейчас, когда стал мёртвым. Иногда мне даже кажется, что смерть — это и есть моя жизнь, а жизнь — была смертью: тусклой, бессобытийной... Мне нечего вспомнить о ней, смертный! Есть ведь и не такие, как я, тебе просто не повезло — ты случайно встретил меня, случайно застукал за тем, как я ворую у живых острый соус... Есть те, кто скучает по своей жизни. Те же рок-звёзды, киноактёры, писатели — они жалеют, что так рано умерли, не успели что-то сказать, что-то сыграть или спеть... Мне же не о чем сожалеть, я рад, что стал мёртвым. Ты понял меня, смертный? Рад... И нет ничего хуже этого. Не нужно завидовать тому, чего не понимаешь.

Что? Говоришь, что дома ждут дела? О-о-о, ты правильно меня понял. Беги! Беги и не думай о том, что смерть — лучше жизни. Беги...

Беги, а мне пора... Старина Джек, наверняка, уже заждался меня. Бродит, скрипит костями, думает, что после встречи с очередной рок-звездой будет счастлив. И я так думаю. Думаю и мчусь к нему, чтобы продолжить свою жизнь. Или смерть? Не важно. Или важно?

Дурацкий смертный... Убежал и оставил мне кучу мыслей, а ведь я так давно ни о чём не думал. Не думал и заполнял свою вечность событиями, которых мне так не хватало в жизни.

— Брюс! Чёртов сукин сын, я уже думал, что ты не придёшь! Где ты пропадал весь день? — Джек встречает меня, он в компании Чака и Мэри, я немного удивлён, они ведь редко куда-либо выбирают.

— Спал, — я вру, чтобы не рассказать о том, что виделся сегодня со смертным, что наболтал ему много лишнего.

— С ума сойти! Он спал! — смеётся Чак.

— Идём, нас уже заждались, — Мэри берёт меня под руку. Мы почти соприкасаемся костями, нам не даёт этого сделать чёрная ткань, которую мы носим как балахон, чтобы быть незаметными тенями в мире живых.

И мы идём. Нас ждут. Так приятно знать, что нас где-то ждут. Пусть даже в точно такие же мертвецы, скелеты, но ждут.

— Он спал! Тебе что, жизни мало было? — не унимается Чак, а мне хотелось бы улыбнуться, но вместо этого я молчу, иду рядом с Мэри, надеясь, что забуду обо всём, что произошло сегодня.

Смертные, вы эгоисты. Зачем же ты мне напомнил, что где-то есть жизнь... Забыть. Прийти к тому, кто нас ждёт, — и забыть.

СТЕНЫ СЪЕДАЮТ

соавтор: Евгений Вискарь

1

Стены съедают, давятся —
Суженное пространство.
Не перед кем раскаяться,
Некому больше сдать.
И потолок не рушится,
Рёбра не давят намертво.
Некого больше слушаться:
Правильно и неправильно.

Окна закрыты шторами,
Лживостью мир заполненный...
Быть одиночкой — здорово,
Если б тебя не помнили.

Там телефон простуженный
Хрипом зашёлся, кашляет.
Стены съедают нужную,
Стены съедают важную.

Ночь перешла на лестницу —
Исповедь мыслей близится...
Стены съедают, бесятся...
И никуда не вырваться.

2

Стены съедают. Трещины.
Слышится крик отчаянья.
Некому быть обещанной,
Незачем быть печальнойю.

Не выходить из комнаты —
По завещанью Бродского.
Стенами быть изглоданной,
Вымазаться известкою.

Ненатурально белую,
[Будто добром простужена] —
Ночь согревает пледами,
Вновь никому ненужную.

Каждая стенка чавкает
Грудой молитв и просьбами.
Кровью душевной пачкает
Меч одуревшей осени.

Вроде бы всё закончилось —
Дом будто крепость...
Рушится.
Стены съедают, косятся,
Без обещаний лучшего.

3

Чувства покрылись плесенью
В камере одиночества.
Не с кем так просто встретиться,
Выйти во двор — не хочется.

Трубка молчит предательски,
Мол, доигралась, бедная.
Зеркало издевательски
Смотрит на тело брненное.

Стены съедают, корчатся...
Некому дать пощёчину.
В камере одиночества —
Всё до утра закончится.
Вновь матерки с молитвами —
Чистый расцвет безумия.
Стены придавят плитами —
Приз за свободу — в студию!

Память сожрёт безжалостно
Всё, от чего скрывается.
Стены съедают яростно,
Мысли с цепей срываются!

Стал потолок решеткою,
Давит на ребра.
Смертная.
Стала себе воровкою,
Жизнь за свободу жертвуя.

БРОДЯГА

соавтор: Евгений Вискарь

Сейчас бы дыма глотнуть немного
И позабыть, что грядёт рассвет.
У каждой твари своя дорога,
А у меня и тропинки нет.

А у меня нет знакомых улиц
И дома тоже, конечно, нет.
Иду один в серый мир, сутулясь,
Иду один, на фонарный свет.

И целый мир ничего не скажет,
Какие, впрочем, до них дела...
Сейчас бы дыма глотнуть и дальше,
Как божья тварь, поджидать утра.

А мне идти через ночь к порогу,
Где, может быть, меня кто-то ждет.
У каждой твари своя дорога,
Дорога к дому, где без забот

Все спят спокойно, без пробуждений,
И видят много красивых снов...
Сейчас бы дыма глотнуть под пень
Ночных охотников и воров.

Иду один, через ночь глухую,
Забыв о том, что грядет рассвет.
Я выбрал долю себе лихую,
Где нет тебя и тропинки нет.

СВОБОДА

соавтор: Евгений Вискарь

1

У меня свобода за плечами
Серая, как будни пилигрима.
Никого к себе не привечаю.
Проходите. Проходите мимо.

Я закрою доступы и двери,
И наполню мыслями бокалы.
Пусть никто из вас меня не греет.
Белый снег, конечно, станет алым.

Мне не нужен выход за границу;
За границу разума — пожалуй,
Надеваю чувствами на спицу.
Проходи. Сочувствием не балуй.

Не нужны пустые разговоры,
Пусть слова застрянут и растают.
У меня свобода — жаркий холод,
И других я к ней не подпускаю.

2

Обмотавшись проволокой колючей,
Раскрывая раны жгучей болью —
Я себя бы до смерти замучил,
Если бы не встретился с любовью,

Если бы все мысли по бокалам
Расплескались, выпились, разлились —
Снег, конечно, смог бы стать и алым,
И мосты б над нами не сводились.

За границу разума, пожалуй,
Вместе отправляемся, конечно.
Не считай себя больной и старой;
Нам осталось выбрать то, чтоечно.

Под молчаньем, с холодом свободы,
Оградимся где-то от изнанки.
Там, за дверью, — твари и уроды,
Господа и пьяные служанки.

И какая разница, конечно,
Кто и как определит в итоге.
Нам осталось выбрать то, чтоечно,
И идти к свободе от двуногих.

3

Жаркие сомненья не подпустим,
Будем мы скитаться тень за тенью.
Правильных, неправильных — укусим,
Праведные, вновь падут под плетью.

Сколько нужно жертвовать свободе,
Чтобы оказаться всё же правым?
Без толпы, не следуя по моде,
Чтоб не стать гвоздём тупым и ржавым?

Небылицы, былью порастают,
Захлебнётся общество системой.

Холодно в свободе не бывает,
От неё ползут в углы, на стену.

Жухлые безжизненные листья,
Лица заскучавшие по чуду —
Им бы жить и тупо веселиться,
И предать учителя — Иуду.

Сломано. Осколки. Только пепел.
А у нас свобода за плечами.
Кто бы говорил...
Да кто б поверил?
Всё в итоге — скованно цепями.

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

соавтор: Евгений Вискарь

*Это очень печально, когда забывают друзей.
Не у всякого был друг. И я боюсь стать
таким, как взрослые, которым ничто
не интересно, кроме цифр.*

Антуан де Сент-Экзюпери

Маленький принц убежал,
Оставив доспехи.
Шпагу оставил, розу оставил тоже.
Не убирает сто лет на своей планете —
Цифрами занят, в поясе носит ножик.
Стал незаметным.
Слон раздавил удава.
Некому больше всё повернуть на место:
Всякая сказка слеплена как попало —
Больше нет хода всем нам
Обратно в детство.
Он приручил и оставил.
Ушёл спокойно.
Даже не вспомнил.
(Знал ли, что не отпустим?).
В мире под звёздами
Лису безумно больно.
Маленький принц
Чёрной вселенской грусти.

ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР

соавтор: Евгений Вискарь

В воспоминаньях — холод.
Раньше там было пламя.
Как оголённый провод,
Режут твои касанья;

Ты не была послушной,
Жизнью своей играя,
Стала вдруг мне ненужной,
Изгнанная из рая;

Стала далёкой самой,
Самой забытой...
Впрочем,
Я тебе всё прощаю,
Не изменяя почерк,

Я опускаю руки,
Падаю на колени:
Я пропустил все сроки,
Все твои дни рождения,
Дни, где была счастливой
Или несчастной самой...

В воспоминаньях — льдины,
В воспоминаньях — шрамы.

Можешь пустить на выстрел —
Так тебе будет легче:
Всё позабыть.

И выжечь,
То, что тебя калечит;

Да, убивай.
Не бойся.
Сердце давно не бьётся.
Выстрели.
Успокойся.
Пусть пистолет смеётся
Над самым глупым...
Самым!
Пусть разорвёт на части!

В воспоминаньях — пламя.
Мы убиваем счастье.

ПИТЕР

соавтор: Евгений Вискарь

Здравствуйте, Питер:
Холод и мрак на стенах.
Знаю, не звали.
Знаю, не ждали.
Просто:
Я наконец-то выбралась
Для отметок
В новых местах,
В новой толпе
Прохожих.

Здесь у вас дождь
(Дома бывают ливни,
Но за окном.
В доме всегда уютней);
Не различаю ваших
Узорных линий.

С самой высокой башни
На всё бы плюнуть...

И растереть.
И потеряться где-то.
Там, где вас нет,
Где нет бетонных камер.

Здравствуйте, Питер:
Коробы на скелетах.
Я нынче здесь,
Но как всегда —
Не с вами.

МЫ УХОДИМ

соавтор: Евгений Вискарь

- Поторопимся?
- Нет. Зачем же? Никуда торопиться не будем. Мы уходим с тобой в бесконечность — там, где нас никогда не осудят.
- Мы уходим с тобой... Но куда же? Может, здесь всё равно станет лучше?
- Сажа — так и останется сажей; лужа — так и останется лужей. Не ищи оправдания миру; тем, кто рядом держаться пытался. Мы уходим.
- Они победили?
- Они — те, кто в итоге сломался.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Как все	3
Проигрыш	4
Жрать, бухать, забыть	7
Ключ	12
1	12
2	12
Сумасшедшие	14
1	14
2	17
3	18
В тренде	20
Модно	22
Немного от мертвого	24
1	24
2	26
3	28
4	30
5	33
Стены съедают	36
1	36
2	37
3	37
Бродяга	39
Свобода	40
1	40
2	40
3	41
Маленький принц	43
Последний разговор	44
Питер	46
Мы уходим	48

Анжелика Лавицкая

Как все
Стихи и рассказы

Редактор Вадим Засухин

Настоящее имя: Анжелика
Ник: Неля или Dead Moon
Дата рождения: 21 марта
Личный блог: <https://vk.com/deadmoona>

Независимый автор.

В этот сборник вошли произведения, написанные в соавторстве с друзьями: стихи и рассказы на темы, которые, как нам кажется, нельзя оставлять без внимания.

ISBN 978-5-4490-0632-5

9 785449 006325 >

В н и м а н и е !
Книга содержит
нецензурную
б р а н ь